

© 2010 г. Е.Л. БЕРЕЗОВИЧ

**РУССКИЙ АД НА ИНОЯЗЫЧНОМ ФОНЕ:
к сопоставительному изучению деривационной семантики
межъязыковых лексических эквивалентов***

В статье рассматриваются семантические дериваты слова *ад* в русских народных говорах и народно-разговорном языке. Сопоставляется деривационная семантика русск. *ад* и его лексических эквивалентов в индоевропейских языках – славянских (континуанты **ръкъль*), германских (англ. *hell*, нем. *Hölle*), романских (итал., порт. *inferno*, франц. *enfer*, исп. *infierno*) и др. Выявляются основные мотивационные признаки, лежащие в основе деривации и дающие наиболее явные различия деривационной семантики в разных языках: «то, что пожирает», «то, где царят шум, беспорядок → скандалы», «то, где горят (грешники)», «то, что является углублением, отверстием». Устанавливается, что для развития семантики на базе русск. *ад* наиболее продуктивен признак пожирания, поглощения.

Появившись в русском языке с принятием христианства, грецизм *ад* (через ст.-слав. *адъ* из ср.-греч. *ἄδης* < *ἄδης* ‘преисподняя, ад’ < *Ἄδης* ‘Аид, бог преисподней’ [Аникин РЭС, 1: 97]) пустил на русской почве корни, став основой обширного деривационного гнезда. Формирование этого гнезда, его семантическая организация интересны как в этнолингвистическом плане (особенности рецепции христианской идеологии, ее диалога с идеологией языческой), так и в системно-лингвистическом (логика взаимодействия заимствованного *terminum sacrum* с принимающей языковой системой), а также в типологическом. Раскроем подробнее последний аспект.

Значение ‘ад, преисподняя’ выражается в языках европейских народов, принявших христианство, с помощью слов с разной внутренней формой, ср., например, греч. *ἄδης*, *Ἄδης* – этимологически, возможно, «невидимое»; новогреч. *κόλασις* – «наказание»; лат. *inferna* – «принадлежащее нижнему миру» → итал. *inferno*, франц. *enfer*, исп. *infierno*; гот. *halja*, др.-норв. *hel*, др.-в.-нем. *hella*, нем. *Hölle*, др.-англ. *hel*, англ. *hell* – «место, где прячутся», см. [Buck 1949: 1485–1486].

В отличие от названных выше языков, в которых для выражения понятия «преисподняя» используются исконные лексемы, славянские языки прибегают к заимствованиям¹ – грецизму *ад* и континуантам **ръкъль*. Праслав. **ръкъль* ‘смола’ является, во всей видимости, древнейшим заимствованием из нар.-лат. *picula* ‘то же’ (через посредство др.-в.-нем. или др.-н.-нем.), которое восходит к и.-е. **pīk-* ‘то же’. Значение ‘преисподняя’ появилось в западнославянских языках с принятием христианства как калька со ср.-в.-нем. *resch* ‘смола’ → ‘ад’, а затем распространилось на славянской территории.

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»). Автор выражает глубокую благодарность С.М. Толстой за ценные консультации и соображения, высказанные при знакомстве с этой работой, а также Т.А. Агапкиной, О.В. Беловой, Т.Н. Бунчук, А. Кравчик-Тырпе, Л. Кралику, Ф.Р. Минлосу, О.В. Мищенко и О.А. Теуш, обратившим мое внимание на некоторые неизвестные факты и малодоступную литературу вопроса.

¹ Напротив, обозначения рая в славянских языках исконные, а в романо-германских заимствованные: «Нельзя не высказать своего удивления по поводу того, что столь глубокое различие между Западом и Востоком до сих пор, насколько я знаю, не привлекло внимания» [Трубачев 2002: 421].

Связь значений в ср.-в.-нем. объясняется представлением о том, что грешники горят в аду в кипящей смоле. Продолжения **рькъль* испытывают аттракцию к континуантам **pekti* 'печь, жечь' (этимологическая трактовка излагается по [Czapieski 2007]; ср. также [Machek 1968 (1971): 441–442; Фасмер 1964–1973, III: 226; Boryś 2005: 428; ЕСУМ, 4: 328–329; ЭСБМ, 9: 14] и др.).

Ад фиксируется в русской, украинской (с пометой «устаревшее»), болгарской, македонской и сербской литературных традициях, но только русская языковая стихия допускает мощное гнездовое развитие этого слова в говорах (особенно севернорусских)². В западнославянских языках этот грецизм не представлен, они отдали предпочтение «пеклу» (здесь и далее для краткости мы будем называть продолжения **рькъль* в разных славянских языках словом «пекло»); кроме того, «пекло», параллельно с *адам*, фиксируется в южнославянских и восточнославянских языках и активно проникает в говоры (в том числе южнорусские): укр. *пéкло*, блр. *пекла*, серб. *пàкао*, болг. *пѣкъл*, макед. *пекол*, словен. *pekèl*, польск. *piekło*, кашуб. *řekło*, чеш., словац. *peklo*, в.-луж. *pjekło*, н.-луж. *pjakło* и др.

Пекло представлено и в русском литературном языке. Это слово появилось довольно поздно: оно не отмечается в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв., а первые фиксации датируются XVII в., при этом в контекстах проскальзывает чуждость лексемы для сознания носителей языка, ср. «А по латынски адъ наричется пекль» [СлРЯ XI–XVII, 14: 186]. В то же время в старобелорусском языке – в языковой стихии, более тесно связанной с католическими текстами, – слово фиксируется раньше, в XV в. (1489 г.) [ГСБМ, 24: 66]. Интересны контексты, дифференцирующие *пекло* и *ад*, ср. староукр. «Абовѣмъ пекло ся розумѣть, што палить и печеть, а адъ ... розумѣтся мѣстце невидимое или мѣстце темностей и низких пропастей, до которыхъ Христось обоженной душею, души отъ ада высвобожаючи, зступиль» (1603) [СУМ XVI–XVII, 1: 76].

В современном русском литературном языке *пекло* расходится семантически с *адам* – это скорее не собственно преисподняя, а именно «горячая часть» преисподней, полыхающий в ней огонь. Думается, из всех литературных словарей наиболее точен СлРЯ, который, в отличие от ряда других источников, считает 'ад, адский огонь' не самостоятельным значением слова *пекло*, а оттенком значения 'сильный огонь, сильный жар' (иные значения этого слова: 'сильный зной, жара', 'место, где происходит жаркий бой, горячие споры') [СлРЯ, 3: 38]. Русское *пекло* практически не дает деривации, употребляется весьма редко и в «несвободных» контекстах (как правило, в связи с чертом³) – и, таким образом, существенно уступает *аду* как способ выражения понятия «преисподняя».

Кроме основных обозначений понятия «преисподняя» в славянских и других европейских языках, в их литературных вариантах встречаются многочисленные дополнительные наименования, как однословные (например, русск. *преисподняя*, чеш. *podsvětí*), так и двусловные перифразы (к примеру, русск. *царство теней* – польск. *królestwo ciemi*). Есть также обозначения ада, которые воспринимаются как прецедентные имена собственные, отсылающие к образам *Auda* и *Tartara* (*Hades*, *Tartarus*). Близко к ним и слово *Gehenna* 'геенна', восходящее в конечном счете к др.-евр. *Gēhinnōm* «долина, юдоль сына Хиннома» [Черных 2002, 1: 184]. Особый интерес представляют диалектные способы выражения указанного понятия, реестр которых, кажется, полностью не выявлен, ср. серб. диал. *јама* [СД, 1: 94], словац. архаич., чеш. диал. *sitno* [SSJ, 4: 82; PSJČ, 5: 248] (о последнем слове подробнее см. ниже).

Представив кратко тот фон, на котором функционирует русск. *ад*, подойдем к обоснованию задач настоящей статьи. Главная задача – охарактеризовать семантическое

² В украинском и южнославянских языках случаи проникновения слова *ад* в говоры фиксируются, но весьма редко (см., например, в [ЕРСJ, 1: 61; Хобзей 2005: 22–23]).

³ Ср.: «Раз, за какую вину, ей богу, уже и не знаю, только выгнали одного черта из пекла» (Н.В. Гоголь); «Хоть к черту в пекло, хоть к крокодилу в зубы, только чтоб не здесь оставаться» (А.П. Чехов); «Да попадись такой козырь умелому человеку – он под отстающий колхоз у самого черта пекло выпросит» (Г. Николаева) [ССРЛЯ, 9: 362].

своеобразие деривационного гнезда русск. *ад*. Внимание к деривационной семантике – результатам собственно семантической деривации, понимаемой как порождение одних значений многозначного слова от других (например, русск. диал. *ад* ‘глотка’), а также результатам семантико-словообразовательной деривации (русск. диал. *áдáть* ‘много и с жадностью есть’) – объясняется тем, что семантические дериваты воплощают в себе ту часть существующего в вербальной форме знания об *аде*, которая наиболее устойчива, верифицирована системой языка и даже в известной мере создана ею – в процессах разного рода внутриязыковых притяжений и сближений. Помимо семантической деривации, языковой концепт может выражаться также во фразеологии, устойчивых сравнениях, эпитетах и т.п. – ср. русск. диал. *как ад жрать* ‘о человеке, который ест жадно и много’ (такие факты тоже привлекаются нами к рассмотрению – в тех случаях, когда они выражают те же смысловые линии, что и семантическая деривация). Далее следуют свободные текстовые связи, которые не отличаются регулярностью и устойчивой воспроизводимостью – и здесь мы уже вступаем в зону текстовой реализации концепта. Между системно-языковой и текстовой проекциями концепта, естественно, нет жесткой границы, они имеют общий источник и значительную часть общих смыслов, однако есть и различия: так, элементы системы языка участвуют во внутриязыковых сближениях, которые, как говорилось выше, способны внести нюансы в их концептуальное наполнение, в то время как семантика слова в тексте имеет несколько иную детерминацию, зависит от жанрового задания и т. д. Концепт *ада* репрезентирует себя в огромном количестве проявлений – системно-языковых, текстовых и даже внеязыковых (к примеру, относящихся к сфере живописи, иконографии). Все они, конечно, не могут рассматриваться в рамках одной работы. Ограничив анализ деривационной семантикой, поставив задачу рассмотреть ее специфику как сферы реализации концепта, мы, разумеется, не можем не обращаться по мере необходимости к другим таким сферам – в том числе внеязыковым (иконаграфии *ада* и др.). Деривационное гнездо бывает непросто очертить: для корневой идентификации ряда лексических фактов требуется семантическая реконструкция разной степени глубины (так, при атрибуции слов как производных от дестимологизированного и «короткого» *ада* мы сталкиваемся с затруднениями семантико-мотивационного и лингвогенетического плана) – отсюда потребность прибегать к разнообразным «поддержкам», в том числе «культурным». Таким образом, пытаясь не терять основную линию исследования – изучение закономерностей функционирования деривационной семантики на базе слова *ад*, мы время от времени «открываем окно» в другие сферы реализации концепта преисподней для того, чтобы выделить сам объект изучения и глубже понять его устройство.

Отсюда вытекает, что мы ни в коей мере не претендуем на полноту описания концепта «Ад» в русском языке и культуре; мы лишь пытаемся выделить одну из сфер реализации концепта, рассматривая ее в ряде случаев на фоне других.

В статье изучается в первую очередь народная языковая традиция – диалектные и общенародные данные, реже просторечные. Эти данные особо интересны, если учесть, что, как говорилось выше, русские (в первую очередь севернорусские) говоры – единственный участок славянской территории, который «привержен» *аду* и не поддался «увлечению» континуантами **ръкъль*. Факты книжной традиции привлекаются к анализу в том случае, если они в смысловом отношении соответствуют (не противоречат) общенародным и диалектным. Выбор народного языка обусловлен нашим желанием увидеть самостоятельный (разумеется, эта самостоятельность весьма относительна) путь русского *ада* в языковой системе, который, несмотря на влияние «интернациональной» книжной традиции и взаимодействие с ней, обнаруживает индивидуальные способы внедрения слова в национальный лексикон, реагирования на смысловые и формальные импульсы, идущие от «принимающей стороны».

Эта задача будет совмещаться с задачей сравнительно-типологической (сопоставление деривационной семантики гнезда *ад* и его межъязыковых лексических эквивалентов), решение которой, помимо собственных типологических нужд, поможет более выпукло представить специфику изучаемого русского гнезда.

Из гнезд межъязыковых лексических эквивалентов *ada* выбрано для анализа в первую очередь гнездо слав. **рькъль*, особенно его западно- и восточнославянские составляющие (в южнославянских языках это гнездо, кажется, не так активно в деривационном отношении). Менее регулярно будут рассматриваться дериваты неславянских наименований преисподней – прежде всего образованные на базе основных слов для изучаемого понятия в романо-германских языках: англ. *hell*, нем. *Hölle*, итал., порт. *inferno*, франц. *enfer*, исп. *infierno* (гнезда германских корней далее будут условно называться *гнезда «hell»*, гнезда романских – *гнезда «inferno»*). Эпизодически анализируются другие корни, выражающие в различных европейских языках значение ‘ад’.

Смысловые сферы, в которых функционируют дериваты лексемы *ad* и ее эквивалентов в изучаемых языках, разнообразны, и количество языковых фактов очень велико. Многие значения и фразеологические обороты полностью сходны во всех привлеченных для анализа языках: «адский» ‘сильный, интенсивный’, «адские муки», «тьма ада», «адский камень» ‘ляпис (порошок, применяемый как прижигающее средство)’ и др. В центр нашего внимания попадет не вся «адская» лексика, а лишь та, в которой отражены следующие мотивационные признаки (т.е. представления о свойствах ада), лежащие в основе семантической деривации или обыгрываемые во фразеологизмах: 1) то, что пожирает; 2) то, где царят шум, беспорядок, сутолока (→ ссоры, скандалы, распри); 3) то, где горят (грешники); 4) то, что является углублением, отверстием.

Выбор именно этой лексики обусловлен тем, что в ней наиболее явственно ошутимы различия в языковой картине преисподней в разных языках. Различия выражаются в образовании уникальных значений в каком-либо из изучаемых языков (в первую очередь в русском), в разной активности (степени выраженности) отдельных элементов деривационной семантики, в реализации разных путей формирования значений.

ТО, ЧТО ПОЖИРАЕТ

Данный признак очень активен в деривационном пространстве русск. *ad*. О возможности трактовки ряда русских диалектных слов как дериватов лексемы *ad*, реализующих признак пожирания, говорилось в литературе [Аникин РЭС, 1: 97; Журавлев 2005: 386–388; Успенский 1982: 58; Черепанова 2005: 75 и др.], однако в разработке этой проблемы остались спорные и неизученные моменты, позволяющие обратиться к ней вновь.

Прежде чем перейти к диалектному материалу, укажем на существование культурного фона, который значим для понимания изучаемой лексики. Представление о пожирании адом грешников является, разумеется, общехристианским. Действие пожирания «опредметилось» в книжной традиции в образе адских челюстей, зева, чрева и проч., ср., например, церк.-слав. ритор. *челюсти (уста) ада, адская гортань (зѣв)* ‘символическое обозначение смерти, гибели’ [СлРЯ XVIII, 1: 24, 28–29], ст.-слав. ... *тѣ въ чрѣвѣ адьстѣмъ лежитъ іѡна* (Супр.) [SJS, 1: 17], староукр. *во адѣ чрева носити (що)* ‘иметь пристрастие к чему-л.’ [СУМ XVI–XVII, 1: 76].

Другой вариант опредмечивания – ассоциация ада со змеем, червем: др.-русск. *чървь* ‘в образных выражениях – геенна, ад’ [Срезневский 1893–1903, 3: 272], староукр. «Змій великій ш(т)стѣпникъ: Адъ ро(з)зѣвллючій пащекъ <пасть> свою» [СУМ XVI–XVII, 1: 76].

Об актуальности идеи «адского пожирания» и для русской народной традиции говорит тот факт, что в диалектах (Русский Север, Поволжье, часть среднерусских говоров) сформировалось огромное количество дериватов слова *ad*, реализующих эту идею (дополнительно могут проявляться также признаки зияющего (разинутого) отверстия и источника крика, шума).

Наиболее ярко такая мотивационная база отражена в словах с значением ‘глотка, рот’: башк. (русск.), влг., вят. (киров.), костр., перм., яросл. *ad* (мн. *ady*) [СРНГ, 1: 203; Дилакторский 2006: 7; ОСВГ, 1: 22; СГРС, 1: 13; СРГБаш: 17; ФСПГ: 212; ЯОС, 1: 20; Ховрина 1998: 44], влг. *адало, адина* [СГРС, 1: 13], вят. *адище, адйще* [СРНГ, 1: 207;

ОСВГ, 1: 23]. Образ глотки лежит в русле обытовления представлений об аде, типичного для русской народной рецепции религиозных концептов, но у такого обытовления есть обратная сторона – деэтимологизация соответствующих слов, которые в синхронной системе говоривших могут восприниматься как немотивированные.

Образ глотки находит в севернорусских говорах дальнейшее «акциональное» развитие в обозначениях ненасытного человека, обжоры (→ нахлебника) и собственно действия пожирания⁴.

Жадный до еды, ненасытный человек (животное), обжора; пьяница, пропойца; нахлебник: влг., вят., иван., костр., сев.-двин., тамб., яросл. *ад* (мн. ч. *ады*): «Экой ведь ад некрытой» (костр.); «Ад, говорят, не может наестся, адушко. Ад не тот, что на том свете, а в том смысле, что много жрет» (костр.); «Ой ад ненаедной, накормить не можем тебя» (костр.); «Ад ты ненасытный, насопеться не мог» (вят.), «Опился, ад живоглотной!» (вят.) [СРНГ, 1: 203–204; ЯОС, 1: 20; Ховрина 1998: 44; ОСВГ, 1: 22; ЛКТЭ]; яросл. *как ад (жрать)* ‘о человеке, который ест жадно и много’ [Ховрина 1998: 44], костр., яросл. *ад бездѣнный* [СРНГ, 1: 204; Ховрина 1998: 44], костр. *ад змеиный* [ЛКТЭ]; иван., самар., сев.-двин., яросл. *ад* ‘о домашних животных. Говорится о домашних голодных животных, которые тотчас съедят, что им предложат, и кричат и просят еще. Это слово как порицание их жадности’: самар. «Ах вы ады живоглотные!» [СРНГ, 1: 204], яросл. *ады* ‘едоки, нахлебники (о детях)’ [ЯОС, 1: 20; Ховрина 1998: 44]; сев.-двин. *адик* ‘об обжоре, пьянице’ [СРНГ, 1: 207]; влг. *адина* [СВГ, 1: 15], влг. *адина-жадина* [СГРС, 1: 13], влг. *адвище* [СВГ, 1: 15]; влг., вят., костр. *адище* [ЛКТЭ; СРНГ, 1: 207; Дилакторский 2006: 7], влг., вят., костр. *адище*: «Адишшо, сколь иссопел, адишшо ненасытное» (костр.) [ОСВГ, 1: 23; СРНГ, 1: 207; ЛКТЭ], костр. *адуй* ‘обжора, особенно тот, кто пьет много чая, воды’: «Ой ты, адина, адуи, адушко, обадался-то»; костр. *адушко* ‘обжора; пропойца, пьяница’ [ЛКТЭ]. Ср. также костр. *адуй объелся* – о человеке с расстройством желудка [Там же];

много и с жадностью есть или пить, «жрать»; пьянствовать: влг., костр. *адать* [СГРС, 1: 13; ЛКТЭ], арх., влг., вят., костр., яросл. *адать* [СГРС, 1: 13; СРНГ, 1: 206; ОСВГ, 1: 22–23; ЯОС, 1: 20; Ховрина 1998: 46], перм. *адгать* [СПГ, 1: 8], влг. *адить* [КСГРС], яросл. *адить* [СРНГ, 1: 207; Ховрина 1998: 46], костр., перм. *адовать*, яросл. *адовать* (без уд.) [ЯОС, 1: 20; СПГ, 1: 8; Ховрина 1998: 46; ЛКТЭ], вят. *адовать* ‘пьянствовать’ [ОСВГ, 1: 23], арх. *садать, содать* ‘много съесть, «сожрать»’ [КСГРС].

Возникает вопрос: действительно ли все перечисленные выше факты могут быть квалифицированы как дериваты *ада*? Как будет показано ниже, некоторые из названных слов имеют и альтернативные этимологические трактовки, связывающие их с другими этимонами. Чтобы укрепить «адскую» версию, следует привести аргументы культурологического характера, которые выводят нас из плоскости анализа слова в плоскость изучения культурного концепта. Такой выход, повторимся, оправдан необходимостью мотивационно обосновать принадлежность названных выше слов к одному гнезду.

Итак, идея пожирания многогранно и разносторонне поддерживается культурной традицией. Вот некоторые формы проявления этой поддержки, наиболее близкие народной языковой стихии:

Апокрифы («Хождение Богородицы по мукам», «Слово о сошествии Иоанна Крестителя во ад» и др.), духовные стихи. Ср. апокрифические контексты: «И увидѣ Святая, гдѣ лежаху на пламени огненемъ и ядыше ихъ червь не усыпая» [БЛДР, 3: 312], «И видѣ другия жены во огни лежаща и различная змя ядыху ихъ» [Там же: 314] и др.

Важно, что в апокрифической традиции Ад может одушевляться, ему приписываются диалоги с Дьяволом («Сотоной»): ««И рече Адъ ко Дьяволу: “Дьяволѣ, слыши, а ты, Давид, глаголи”» [Там же: 256], «Адъ же озревся и рече Сотоне: “О Велзаулѣ

⁴ Другая линия развития образа связана с номинацией кричащих людей и крика (см. далее рубрику «то, где царят шум, беспорядок, сутолока»).

окаяннѣ, добру запретитель”» [Там же: 260], «И штвѣщавъ адъ глѣа димволоу <...> азъ тгда съгноихъ тѣло лазорево зѣло» [УС XII–XIII: 364] и др. Так подчеркивается «субъектность» ада, его способность совершать самостоятельные действия.

Мотив «адского пожирания» звучит и в текстах духовных стихов: «А чародеи отыдут в тяжкий смрад: И ясти их будут змеи лютыя; Сребролюбцам место – неусыпный червь; А мраз зело лют будет немилостивым...» [Бессонов 1863: 503]; «Готова вам есть мука вечная, Огонь-пламень неугасимый И место темное, и черви лютые» [Стихи духовные: 229] и т. п.⁵

Иконопись. При общехристианской распространенности сюжета «Страшного суда» в иконографии и живописи (ад изображался в виде пасти зверя, змея, дьявола)⁶, в России особо популярным был этот сюжет, как следует из искусствоведческой литературы, в северно- и среднерусской иконографии – в Ярославской, Костромской, Вологодской, Московской школах иконописи, т. е. фактически в той зоне, где слово *ад* получает значение пожирания. На этой территории, особенно на Русском Севере, данный сюжет регулярно разрабатывался в храмовой росписи. К примеру, композиция «Страшный суд» вологодского Софийского собора – самая большая фреска на этот сюжет в России. Введение сюжета в канон расписывания церковью связано с византийской традицией (см. об этом в [Покровский 1887: 285]), а эта традиция лучше всего «законсервировалась» на Русском Севере, в то время как на юге и западе России в иконописи сказывались западноевропейские влияния. Русский изобразительный канон – по сравнению с западноевропейским – был более императивным и стандартизированным.

Стоит отметить, что в русской иконописи есть и некоторые новации, усиливающие представления о «змеиности» ада: кроме «обычного» змея (пасти ада), на иконах нередко изображался и так называемый «змей мытарств», встречающийся в составе русских «Страшных Судов» с конца XV в.⁷ Его хвост тянется из пасти геенны огненной, а голова упирается в стопу молящегося Адама. На тело змея нанизаны кольца мытарств с обозначениями грехов (об этом см., например, в: [Алексеев 1998; Бережная 2003: 456–460; Goldfrank 1995]). Трактовки происхождения и символики «змея мытарств» разноречивы⁸, но в контексте нашей работы важен не столько «план содержания», сколько «план выражения»: «змей мытарств» изображался чаще всего в самом центре иконы, занимал в ее композиции существенное место и сразу приковывал к себе внимание, – а именно это наиболее значимо для наивного восприятия и создания «картинки ада» в народном сознании.

Народная гравюра, лубок. Сюжет Страшного Суда с участием змея был весьма активен и в народной гравюре, ср. описание типичной картины: «... изливается в адову пасть огненная река; из этой же пасти исходит громадный змей, извивающийся по всей картинке» [Ровинский 1900: 292].

Несмотря на столь мощную культурную поддержку и на прозрачность, казалось бы, связей между значениями ‘преисподняя’ и ‘пожирать’ (и оживление этих связей в соче-

⁵ Анализ подобных контекстов из апокрифов и духовных стихов осуществлялся, в частности, А.Н. Соболевым, который прослеживает связь между характером адской пытки (например, пытка пожиранием) и категориями грешников [Соболев 1913: 182–186].

⁶ Об этом есть обширная литература, ср. хотя бы [МНМ, 1: 39].

⁷ «Змей мытарств» встречается еще на иконах, созданных на территории современных Карпат, которые называют «украинскими», «карпатскими» или «русинскими» [Бережная 2003: 479–480]. В то же время этот образ считается преимущественно русским нововведением, поскольку на русских иконах змей изображается последовательно, а на карпатских используются и другие способы художественного воплощения мытарств [Там же: 458].

⁸ Так, А.А. Алексеев считает, что функция змея – пожирать грешников, чьи грехи нельзя искупить, и ввергать их в геенну [Алексеев 1998: 17]; Л.В. Нерсесян (к которому присоединяется Л.А. Бережная) видит в образе змея символ ветхозаветного Антихриста-искусителя; Я. Клощиньска полагает, что змей символизирует очищение души по пути в рай, см. [Бережная 2003: 456–457]; по мнению Д. Гольдфранка, в вопросе о символике змея остается много загадочного, но идея змея на иконе, возможно, принадлежит Иосифу Волоцкому и поддерживается хилиастическими настроениями на Руси в конце XV в. [Goldfrank 1995: 199] и т.д.

таниях вроде *ад змеиный*, *ад ненасытный* и *ад живоглотный*), приведенные выше русские диалектные слова относятся к спорным в этимологическом отношении. А.Е. Аникин указывает на возможное финно-угорское происхождение глаголов *а́дать*, *ада́ть*, *сада́ть*, *сода́ть* [Аникин РЭС, 1: 97]. А.К. Матвеев конкретизирует это положение, квалифицируя глаголы как коми заимствования, ср. коми-з. *adžny* 'много или жадно есть, «жрать»', *аджны* 'жрать', диал. *адавны*, коми-п. *ада́вны*, сев. *ада́лны* 'жрать, сожрать' [МФУЗ: 24]. У коми слов нет удовлетворительной этимологии: сравнение с фин. *ahmia* 'жадно есть, пожирать', производным от *ahma* 'росомаха', различные специалисты по финно-угорской этимологии считают спорным. Версия о коми заимствовании, по мнению А.К. Матвеева, поддерживается географией слов: три смежных района на юго-востоке Архангельской области [Там же]. Однако вышедшие в последние годы словари и недавние полевые сборы расширяют наши представления о географии лексем (см. выше). Фиксация формы *адать* и др. в таких говорах как, скажем, ярославские, несколько ослабляет позиции коми версии (хотя здесь можно найти контраргумент: слово могло проникнуть в русские говоры из какого-то вымершего диалекта коми языка [Там же]). Смущает и то, что в случае принятия коми версии придется допустить гетерогенное происхождение всего блока наименований глотки, обжоры и действия пожирания (а также связанных с ними семантически обозначений крикунов и крика, особенно глаголов типа *ада́ть* 'кричать', см. ниже): для лексем со значением 'глотка', 'обжора', отмеченных, к примеру, в тамб., иван., башк. говорах, коми источник все-таки маловероятен.

Нам представляется, что все русские диалектные слова, приведенные выше, можно считать производными от *ад* 'преисподняя'. Что касается происхождения коми лексем, то этим вопросом надо заниматься специально. Отметим только, что в говорах коми, кроме глаголов типа *адавны*, *адалны* и др., есть слово *ад* 'жадина' и выражения *ад горш*, *ад ом* («адово горло») 'о жадных' [ССКЗД: 9; КРК: 24], которые прозрачно связаны с коми *ад* 'преисподняя', являющимся русским заимствованием. Более того, коми словообразование допускает и отыменное (от коми *ад*) происхождение глаголов типа *адавны* (формы с аффрикатой типа *аджны* вообще могут иметь другую этимологию). Данные глаголы, вероятно, представляют собой результаты семантического калькирования на основе русской модели 'преисподняя' → 'глотка' → 'есть, жрать'.

На базе семантики пожирания в русских говорах развиваются значения жадности и скупости.

Жадный человек: костр., перм., сев.-двин., яросл. *ад* [СРНГ, 1: 204; СПГ, 1: 8; ЛКТЭ; ЯОС, 1: 20; Ховрина 1998: 44], яросл., костр. *ад кромешный* 'жадный до всего', *ад несытый* 'алчный' [ЯОС, 1: 20; Ховрина 1998: 44], костр. *ад недополнен* 'о жадном человеке': «Христос сказал: "Катите ему бочку золота – ад недополнен у него". Это в аду ему места не хватает» [ЛКТЭ], сев.-двин. *адён* 'жаден', влг. *адея*, влг., сарат. *ади́да* 'о скупой, неряшливой женщине, скряге', сев.-двин. *а́дик* [СРНГ, 1: 206–207], костр. *а́дина*: «Адина-жадина, лишь бы сграбастать чего» [ЛКТЭ], перм. *ади́на* [СПГ, 1: 8], яросл. *ади́ще* [ЯОС, 1: 20; Ховрина 1998: 45], костр. *адова́т* 'скупой, скарсдный' [СРНГ, 1: 208], костр. *адова́тый* 'жадный', яросл. *аду́щий* 'очень жадный' [ЯОС, 1: 20; Ховрина 1998: 45], костр. *аду́й* [ЛКТЭ]. Ср. болг. диал. *ад несит* 'человек ненасытный, жадный по отношению к деньгам, имуществу': «Грабительско око, вълче гърло – ад несит» [МБТР, 1: 58];

быть жадным, скарсдным: костр., яросл. *а́дать*, *ада́ть* [ЛКТЭ; ЯОС, 1: 20; Ховрина 1998: 45], влг. *а́дить*, яросл. *ади́ть* 'копить', 'неумеренно употреблять' [ДО: 1], яросл. *ади́ть* 'присваивать себе чужое добро', 'неумеренно употреблять что-либо' [Ховрина 1998: 46], костр. *а́довать* [ЛКТЭ].

Ср. также близкие значения: твер. (Селигер) *а́да накопить* 'разбогатеть' [Селигер, 1: 15]; костр., яросл. *ади́ть* 'завидовать' [Ховрина 1998: 46].

Семантика жадности и скупости формируется и поддерживается не только благодаря закономерному развитию значений 'пожирать' → 'быть жадным'. Важно также то, что жадность, стяжательство, стремление к обогащению в народной картине мира гре-

ховны. О первостепенной роли жадности в перечне пороков, «составленном» русским народом, говорит, к примеру, тот факт, что в ходе переработки представлений о библейских «злодеях» в народном сознании им в первую очередь приписывается скупость, которая могла отсутствовать как дифференцирующая черта в прецедентном тексте: так, в русских говорах фиксируются слова *иуда*, *аман*, *аред*, *асмодей*, *ирод*, которые получают значение ‘скупой человек’, ‘скряга’ (подробнее см. [Березович 2007: 49]).

В то же время значительный вклад в формирование семантики жадного поедания и собственно жадности, скупости сыграли внутриязыковые факторы – **процессы аттракции и явление семантического параллелизма**.

Наиболее ошутима аттракция *ад* ↔ *жад*-, которая проявляется собственно в семантике вышеприведенных слов (‘есть с жадностью’), в рифме *адина-жадина*, в контекстах типа влг. «Адина, вот жадный-то» [КСГРС] и др.

Можно говорить также об аттракции *ад* ↔ *гад*- (ср., к примеру, перм. «Работать-то гад, а пить-то ад» [СПГ, 1: 8], костр. «Он жрать как ад, а работать как гад» [ЛКТЭ]), осуществляемой, помимо фонетического сходства, на основе общего экспрессивного фона обеих корней, а также «пищевых» значений дериватов *гад*- (ср. якут. (русс.) *гад* ‘о плохом, невкусном кушанье’, влг., ворон., новг., орл., пск., *га́дить*, диал. шир. распр. *га́довать* ‘извергать рвоту’ [СРНГ, 6: 90–91]). Связь *ад* ↔ *гад*-, несомненно, имеет дополнительную поддержку в представлениях об аде как змее, черве.

Активность процессов аттракции в изучаемом блоке значений подтверждается также калуж., тул. *ад* ‘яд’ [СРНГ, 1: 204] < из *яд* (< **ěďь*) вследствие контаминации с *ад* [Аникин РЭС, 1: 97].

Отметим и притяжение к экспрессивному просторечному *дуть* ‘пить много и с жадностью’, проявляющееся в *адуй* ‘обжора, особенно тот, кто пьет много чая, воды’ (ср. костр. «По Ветлуге плывём, ветлужана кричат: “Адуи пузатые!” Обругивали нас, что мы адуи, чай дуём» [ЛКТЭ]).

Особо следует выделить группу слов, связанных, как и *ад*, с прецедентными культурными текстами (библейской традицией) и имеющих в известной степени сходный с *адам* коннотативный фон (в результате параллельного смыслового развития). Такой параллелизм более четко прорисовывает, усиливает в сознании носителей языка линии и связи, наличествующие в семантике каждого из слов, и может катализировать процессы аттракции.

Во-первых, следует отметить семантический параллелизм и возможное притяжение слов *ад* и *аред*. Лексема *аред*⁹ имеет в русских говорах богатый набор значений, среди которых диал. шир. распр. ‘чрезвычайно скупой человек, скряга; жадный, алчный человек’, влг. ‘жадный на еду человек, обжора’, арх., влг., карел. ‘очень трудолюбивый, жадный на работу человек’ [СРНГ, 1: 271–272; СРГК, 1: 21; АОС, 1: 73; СГРС, 1: 21; ЛКТЭ] и др., ср. факты, обнаруживающие сближение *ада* и *ареда*: влг. *адов аред* ‘обжора’ [КСГРС], костр. «Аред, всё ему надо, всё гребёт, ад-от», «Аред всё загребаёт. Ад, аред, ашпид, ахид – всё похожие слова, всё грехи называют» [ЛКТЭ]. Последний контекст демонстрирует также возможность притяжения *ад* ↔ *аспид* (*ашпид*) и *ад* ↔ *ахид*, см. ниже.

Во-вторых, сходные отношения обнаруживаются для слов *ад* и *аспид*¹⁰. Кроме приведенного выше контекста ср. русск. костр. *адский аспид* ‘злой человек, мучитель’ [ЛКТЭ], а также влг., дон., костр., курск., яросл. *аспид*, *ашпид* ‘скупой человек, скряга’, влг., калуж., Киров., костр., орнб., пск., смол. *аспид* ‘злой, вредный человек’ [СРНГ, 1: 286; ЛКТЭ; ПОС, 1: 73], костр. *аспид* ‘кровососущее насекомое’ [ЛКТЭ] и др. Возможности аттракции демонстрирует также староукр. *адъ аспидный* ‘злоба’ [СУМ XVI–XVII, 1: 76].

⁹ Русск. диал. *аред* восходит к библейскому имени *Иаред* [Аникин РЭС, 1: 271–272].

¹⁰ Русск. *аспид* восходит к греч. *ἀσπίδα*, *ἄσπις* ‘ядовитая змея’. Это слово в славянской книжности имело следующие значения: ‘аспид, вид ядовитой змеи’, ‘мифический двуногий змей’, ‘мифическое существо, имеющее черты змеи, человека, василиска и птицы’ и др.; перен. ‘обозначение иудеев, не принявших спасительного божественного слова’, ‘обозначение дьявола, сокрушенного силой Христа’ и др. В иконографии аспид изображается как существо с птичьей головой и змеевидным телом, как дракон и др. [Белова 2000: 58–60].

В-третьих, можно говорить о параллельном семантическом развитии (и в некоторых случаях, возможно, аттракции) слов *ад* и *ахид*¹¹. Ср. *áxид*, *axíd* яросл., нижегор. 'голодный, ненасытный человек', влад., вят., казан., костр., моск., нижегор., перм. 'жадный человек, скряга', 'злой человек, ненавистник' [СРНГ, 1: 296; ЛКТЭ], костр. *áхи-дом* (*áшпидом*) *накинуться* 'накинуться на кого-л. агрессивно' [ЛКТЭ] и др. Сказанное позволяет предложить новое этимологическое решение для коми (русск.) *ахид* 'пасть': «Кинься собаке в ахид» [МРС: 91, № 343]. О.А. Черепанова предполагает, что это слово связано по происхождению с манс. *axт*, *ax* 'протока', 'речка', 'канавка' или якут. *айах* 'рот, пасть' [Черепанова 2005: 75]. Думается, не стоит искать финно-угорские или тюркские истоки слова *ахид*. Это слово – как в значении 'пасть', так и 'обжора', 'скряга' и др. – явно связано по происхождению с грецизмами *ехидна*, *ехид* и т. п. (ср., кстати, близкие по значению к *ахиду* диалектные слова на *ехид*-: без указания местности *ехид*, влг. *ехидник* 'злой, ехидный человек', курск., твер. *ехида* 'злая, ехидная женщина', арх. *ехидный* 'непослушный, упрямый' и др. [СРНГ, 9: 47]). Фонетически данная реконструкция прозрачна (здесь отражение перехода *e* → *o*, ср. *Елена* – *Алёна* и проч.; отметим также, что слово *ехинь* 'морской еж' в книжности фиксируется в варианте *ахиднь* [Белова 2000: 113]). Значение 'пасть' содержит отсылку к «звериному» (точнее, змеиному) образу, запечатленному в исходном значении *ехидны* и ее греческого прототипа. Набор значений слов *ахид* (*ехид*) повторяет семантический спектр слова *ад* – тем самым эти слова этимологически поддерживают друг друга.

Таким образом, процессы аттракции и явление семантического параллелизма можно считать значимым фактором, способствующим «творению» семантической структуры корневого гнезда *ад*-.

Рассмотрим связь значений 'пожирание' ↔ 'преисподняя' в типологическом плане. Семантика пожирания, насколько нам удалось установить, отсутствует в деривационном гнезде славянского «пекла», а также в гнездах «hell» и «inferno». «Пекло» участвует в выражении идеи пожирания только на уровне текстовых связей – в выражениях типа польск. «*Wodaj to piekło pochłone!*» (Чтоб его ад поглотил!) [НКРР, 2: 865]. Семантика жадности (и далее – зависти) реализуется в еще более «слабых» контекстах: словац. «*Za peniaze pôjde i do rekla*» (За деньги пойдет в ад) [Záturecký 2005: 278], чеш. «*Závist je reklo věčné!*» (Зависть есть ад вечный) [PSJČ, 4/1: 175]. Выражения такого же плана фиксируются с участием слов из гнезд «hell» и «inferno».

В то же время рассматриваемая связь значений проявляется в деривационных связях некоторых других обозначений преисподней в индоевропейских языках. Эта связь основана на двух признаках (свойствах), приписываемых денотатам: акциональном (пожирание) и предметном (отверстие, провал). Она является двусторонней (хотя более регулярен переход в направлении 'преисподняя' → 'глотка'); возможна также соотносительность данных значений в рамках одного корневого гнезда вне семантических переходов.

Наиболее яркий пример рассматриваемых семантических связей дает литовский язык: для литов. *prāgaras* 'обжора', 'преисподняя' (< *gėrti* 'пить, «жрать»') восстанавливается этимологическое значение «"разевание" для проглатывания» [Smoczyński: 480; Rokony 1949–1959: 475]. Ср. также подборку примеров, приводимых А.Ф. Журавлевым: русск. *пропасть*, употребляемое также для обозначения ада, родственно *пасть* 'рот, зев' (оба слова производны от глагола *пасть*, *паду*); польск. *czeluść* (ср. русск. *челюсть*) → 'пропасть, бездна'; греч. *χάος* 'пропасть, тьма', 'подземное царство', 'первобытный мрак' соотносительно с глаг. *χάσκω* 'зевать, зиять, раскрывать рот' и родствен-

¹¹ Русск. диал. *áхид*, как и литер. *ехидна*, восходит к греч. *ἔχιδνα* 'ядовитая змея', 'ящерица', 'черепаха', 'еж'. В славянской книжности самое распространенное значение слова *ехидна* – 'мифическое существо, наполовину человек, наполовину крокодил, со змеиным хвостом'. Ср. также символические значения: 'обозначение дьявола, опустошающего человеческие души'; 'обозначение человека, воздающего злом за зло, дающего волю злым делам и помыслам' и др. В иконографии ехидны изображаются, в частности, как полулюди со змеиными хвостами и когтями; иногда – как два крылатых существа, одно из которых заглатывает другое [Белова 2000: 111–113].

но русск. *зевать, зиять*; греч. *βάραντρον* 'пропасть' (перен. 'гибель, смерть') родственно гл. *βιβρώσκω* 'съедать, пожирать' [Журавлев 2005: 387–388].

Итак, можно выделить первое существенное различие в деривационной семантике основных гнезд, рассматриваемых нами (*ад*, «пекло», «hell», «inferno»): только в гнезде *ад* эта семантика формируется с активным участием признака пожирания, который не проявляет себя в остальных трех гнездах (опорные слова этих гнезд участвуют в выражении идеи пожирания лишь на уровне текстовых связей).

ТО, ГДЕ ЦАРЯТ ШУМ, БЕСПОРЯДОК, СУТОЛОКА (→ ССОРЫ, СКАНДАЛЫ, РАСПРИ)

Ад известен *адским шумом (грохотом)*, что отражено как русской литературной традицией (ср. литер. *ад* 'переносно и образно: о невыносимом шуме, суматохе, грохоте и т. п.', эпитеты к слову *ад* – *бушующий, грохочущий*), так и говорами, в которых на базе слова *ад* образуются обозначения действий по «производству» крика, шума (вгл., вят., яросл. *адать, яросл. адить, адеть, адовать* 'кричать, ругаться' [СРНГ, 1: 206; ЯОС, 1: 20; Ховрина 1998: 45; ОСВГ, 1: 23; СГРС, 1: 13], вгл. *адам дурить* 'о громко кричащем человеке' [СВГ, 2: 65]), а также крикуна (вгл., вят., яросл. *ад* 'о громком голосе; о крикуне, плаксе' [СРНГ, 1: 203; ЯОС, 1: 20; ОСВГ, 1: 22; Ховрина 1998: 44], вгл. *адина* 'крикливый человек' [СГРС, 1: 13], яросл. *адок* 'то же' [ЯОС, 1: 20; Ховрина 1998: 44, 45]). Диалектные лексемы можно весьма уверенно связывать с рассмотренным выше *ад* 'горло, глотка': такая связь особо ощутима в перм. *драть ад*: «Мимо иду этта-ка, а у их в избе ув да рыв, ребятишки сбежались да и дерут ад-от» [ФСНГ: 387]. Слияние звуковых и «пищевых» функций глотки отражено в факте контаминации *ад ↔ едок*, которая чувствуется в *адок* 'крикун'¹².

Адский шум «слышен» и в гнезде «пекло» (ср. польск. *piekło* 'шум, крики', *piekło tam, jak w piekle wrzask, trzask* («как в пекле крик, треск»), чеш. *pekelný hluk* 'адский шум', серб. *пакло*, хорв. *пакленā вика* («адский крик») [Matešić 1982: 739], макед. *неколна врева* («адская суматоха (крик, шум)») [PMJ, 2: 148] и т.п.), а также в гнездах западноевропейских эквивалентов *ада* (англ. *hell*, итал. *inferno*, исп. *infierno* и др. 'место, где стоит шум и гвалт, режущие ухо звуки', англ. *hell of a noise*, нем. *Höllenslärm*, исп. *un ruido infernal* 'адский шум', франц. *mener un tapage d'enfer* («поднять шум ада») 'поднять жуткий шум', итал. *fare un / l'inferno* («сделать ад») 'страшно шуметь' и т.п.).

Тесно связанной с признаком шума оказывается идея беспорядка, сутолоки, суматохи, которая тоже реализуется в гнезде рус. *ад* (русск. калин. *адея* 'беспорядок, шум, сутолока' [СРНГ, 1: 207], пск. *ад* 'то же' [ПОС, 1: 51]), и далее – ссор, скандалов, распрей, которые разворачиваются, как правило, в семье. Эта идея соединяет в себе перцептивные свойства ада и социальные характеристики его обитателей: русск. литер. *ад* 'переносно и образно для обозначения места или положения, пребывание в котором несносно, мучительно': «В пичугинской семье воцарился кромешный ад» (Д.Н. Мамин-Сибиряк); «Она почувствовала вполне тягостную скуку и однообразие своего положения, и все существо ее вертелось около одной мысли – вырваться из ада теткина дома» (А.И. Герцен) [ССРЛЯ, 1: 50], русск. (морд.) *ад аримешный* 'невыносимая обстановка; ад кромешный' [СРГМ, 1: 22], костр. *адина* 'брань, ругань, скандал', 'место, где спорили из-за земли' [ЛКТЭ], смол. *ад разворотить (разорить)* 'наделать много шума, поставить всех на ноги, выйдя из себя, рассердившись' [ССГ, 1: 64], байк. *ад воротить* 'разрушать, разбойничать' [Афанасьева-Медведева, 1: 203–204], смол. *ад разорить* 'выйдя из себя, страшно рассердившись, наделать много шума, поднять всех на ноги' [СРНГ, 1: 204] и др. Ср. также название поля *Адина*: «Спорили из-за его, адина такая шла» (Костр., Павинск. р-н) [ТЭ].

¹² Возможно, к числу фактов аттракции *ад ↔ гад*-, о которой говорилось выше, следует причислить также вгл. *гадить* 'кричать, ругать' [СРНГ, 6: 91]. Значение 'кричать' может быть и результатом независимого семантического развития *гадить*, но версия относительно аттракции имеет право на существование, поскольку это значение единично фиксируется именно в той зоне, где многократно засвидетельствовано *адить* 'кричать'.

Семантико-деривационная линия гнезда *ада*, связанная с криком, имеет параллель в гнезде прецедентного библейского топонима *Содом*, ср. арх., влад., влг., костр., куйбыш., мурман., нижегор., перм., сев.-двин. *содом* 'шум, ссора, ругань', <в сравн.> влг. *дом как содом*, влг., костр. *содомить*, р. Урал *содомничать* 'ссориться, браниться', горьк., р. Урал *содомник* 'крикливый, сварливый, бранчливый, склонный к ссорам человек', костр. *содомщина* 'ссора, брань, суматоха' и др. [СРНГ, 39: 211–212; ЛКТЭ; КСГРС]. В.И. Даль определяет *ад* в рассматриваемых значениях через *содом*: *ад* 'невыносимое житье, ссора в доме, крик, брань, драка, содом' [Даль₂, 1: 6]. Дериваты от *Содома* представлены и в русской топонимии, при этом для них реконструируется мотивационное значение «место (земельное угодье), из-за которого спорят» (см. [Березович 2000: 282–283]; к приведенным там фактам можно добавить еще два из последних записей ТЭ: поле *Содомное* – «Спорили, чье оно, вот и Содомное» (Костр., Солигаличск. р-н); пок. *Содомная Кулига* – «Содом мужики устроили, делили поле» (Арх., Ленский р-н) [ТЭ]). На этом фоне возникает возможность аттракции *ад* ↔ *содом*, которая усматривается в костр. *адомить* 'ссориться': «Соседи шумкие у нас, всё адомят, адомят», *адомник* 'крикливый человек' [ЛКТЭ]. Помимо фонетической и смысловой близости, рассматриваемая аттракция может «подогреваться» библейским культурным фоном, объединяющим *ад* и *содом*.

В гнезде «пекло» семантика беспорядка, ссор, скандалов находит более детальную в словообразовательном плане разработку, чем в гнезде *ада*.

Ссоры, распри: укр. *пекло* 'беспорядок, шум, гам' [СУМ, 6: 111], польск. *piekło* 'сутолока, беспорядок', 'ссора, скандал' [SW, 4: 147], *dom jak piekło* [NKPP, 3: 866], кашуб. *řekelko* 'раздоры, несогласие в семье' [Sychta, 4: 248], словац. *maš peklo v dome* 'имеешь неприятности' [SSJ, 3: 51], диал. *peklo* 'неприятная ситуация, неприятности, ссора' [SSN, 2: 766], серб. *naкао* 'место, где часто случаются скандалы' [PCXKJ, 4: 306], диал. (воевод.) *накао* 'ад', 'мучительная ситуация, тяжелая, невыносимая обстановка в семье и др.' [PCGB, 6: 123], словен. *doma je bil pekel* [SSKJ, 3: 558] и др.

Ссориться, браниться: блр. диал. *пекліца* 'суетиться, хлопотать' [ЭСБМ, 9: 15], словац. *robit' peklo* 'устраивать ссоры, распри' [SSJ, 3: 51], диал. *peklit' sa* 'ссориться', 'сердиться на кого-л.' [SSN, 2: 766], словен. *delati komu pekel* [SSKJ, 3: 558], польск. *robić piekło, pieklować, pieklić się* 'устраивать скандалы' [SJPD, 6: 314–315], чеш. диал. *miti peklo s kým* 'иметь напряженные отношения, неприятности, скандалы с кем-то' [PSJČ, 4/1: 175] и т.д.

Скандалист, вздорный человек: польск. *piekielnica* 'сварливая, злая женщина', *piekelnik* 'человек, любящий ссориться, скандалист, буян' [SJPD, 6: 313–314], чеш. валаш. *pekloňoš* 'человек, который сеет распри между людьми' [Kazmiř 2007], словац. *Švekra – pol pekla* [Záturský 2005: 70] и т.п.

Думается, тяготение дериватов «пекла» к семантике ссор, скандалов «подогревается» тем, что в них дополнительно актуализируется идея печения, горения (как на базе внутренних смысловых ресурсов, так и в ходе притяжения к продолжениям **pekti*): эта идея мотивирует многие «скандальные» слова, ср. русск. *здать жару*, *дать горячих* и проч.

Возможно, в контексте этих мотивов следует рассматривать темное в этимологическом отношении словац. архаич., чеш. диал. *sitno* [SSJ, 4: 82; PSJČ, 5: 248]. Относительно происхождения этого слова высказывались различные версии. Рассмотрим предложенное недавно решение М. Пуканца¹³. *Sitno* как название ада, вероятно, восходит к

¹³ Согласно другой версии, слово *sitno* представляет собой адъективное производное от названия болотного растения (напоминающего камыш) *sítie, sitina* 'ситник' (это континуант праслав. **sitъ, *sita*). В этом случае **sitъno* – 'место покрытое ситником' → 'озеро, болото, топь и т.п.' → 'ад, преисподняя'. Аргументом в пользу данной версии является наличие целого ряда топонимов, производных от названия этого растения, т.е. активное участие модели в образовании наименований мест [Majtán 2001]. Если принять эту гипотезу, то мы получим еще одно подтверждение того, что ландшафт ада может представляться как болото (см. далее). Впрочем, данная версия Майтана в целом выглядит менее убедительной, чем решение Пуканца (к которому мы предлагаем некоторые коррективы).

названию горы *Sitno* (с остатками древнего замка) в южной части средней Словакии. В языческом прошлом гора могла связываться с культом Перуна, поэтому это место стало объектом интенсивной христианизации. На горе находится колодец, которому приписывалось сакральное происхождение. Первые христиане могли дать ему имя с библейскими аллюзиями – *Sitna*, в честь упоминаемого в книге Бытия колодца *Ситна*. Дальнейшее семантическое развитие: ‘колодец’ → ‘отверстие в земле’ → ‘ад, преисподняя’ [Pukanec 2005].

Представляется, что в эту версию можно внести некоторые коррективы. Вспомним библейский прецедент – колодец *Ситна*: «И копали рабы Исааковы в долине и нашли там колодезь воды живой. И спорили пастухи Герарские с пастухами Исаака, говоря: наша вода. И он нарек колодезю имя: Есек, потому что спорили с ним. Выкопали другой колодезь; спорили также и о нем; и он нарек ему имя: Ситна» [Быт. 26: 19–21]. Ср.: «*Ситна* (враждебность, вражда) – название колодца, так наименованного вследствие того, что пастухи Исаака спорили здесь с пастухами филистимскими» [БЭ: 652]. По мнению М. Пуканца, семантика др.-евр. названия колодца (которую он трактует как «обвинение») может указывать на то, что на горе Ситна поклонялись Перуну – богу права, справедливости, имущества, верховной власти [Pukanec 2005: 273]. Кажется, можно переставить акценты: если трактовать древнееврейское название в соответствии с текстом Бытия – «объект тяжб, споров», – то оно находит смысловые переключки с образом *Содома*, представлявшегося в русской народной традиции как место (объект) тяжб (в том числе земельных споров) и *ада*, который тоже воспринимается как место разворачивания ссор, скандалов и собственно сами ссоры. Напомним особо русск. костр. *адина* ‘место, где спорили из-за земли’. В свете этого следует предположить, что словац. и чеш. *sitno* – деонимизированное слово, содержащее отсылку к библейскому названию колодца *Ситна*, который стал символом (земельных) споров. Отсюда вполне вероятно следующее звено семантического развития: место скандалов → ад. Дополнительная смысловая поддержка для образа ада должна быть усмотрена собственно в свойствах колодца = ямы, провала. Если принять эту версию, то словац., чеш. *sitno* следует рассматривать не как производное от словац. топонима *Sitno*, а как параллельное образование.

Что касается гнезд «hell» и «inferno», то в их пространстве значения крика, скандалов и др. фиксируются, но не являются особо частотными и активными, ср., к примеру, англ. диал. *hell-cat* (адская кошка) ‘сварливая женщина, мегера’ [EDD, 3: 135], англ. *give smb. hell*, нем. *die Hölle heiß machen (heizen)* ‘бранить кого-л., ругать кого-л. на чем свет стоит’ [АВВУ Lingvo x 3], исп. *armar un infierno* ‘затянуть ссору’ [ИРФС: 337].

О закономерности появления рассматриваемых значений в «адской» лексике говорят также, к примеру, литовские данные, ср. *pragaruoti* (< *prāgaras* ‘ад’) ‘«верещать», кричать’ [Smoczyński 2007: 480].

ТО, ГДЕ ГОРЯТ (ГРЕШНИКИ)

Признак горения (и, соответственно, огня, жара) – доминантный в представлениях об аде. Однако в деривации на основе русск. *ад* этот признак не актуализируется, а проявляется лишь в контекстных связях, ср., например, устойчивые сочетания *адский огонь*, *адова (адская) жара*, проклятия вроде «Чтоб ты в аду сгорел!», переносные выражения вроде русск. дон. *кипеть как в аду (котле)* ‘много и тяжело работать’ [БТДК: 216] и др. Аналогичные сочетания есть во всех без исключения славянских и романо-германских языках, ср. некоторые из них: укр. *огонь пекельний, пекельна спека*, блр. *пякельны агонь*, «Каб яго душа ў пеклі гарэла!», польск. *ogień piekielny* ‘«адский огонь», также перен. гангрена’ [SW, 4: 146], *pójść za kogo w ogień piekielny* ‘быть готовым все для кого-л. сделать, понести жертвы’ [SJPD, 6: 314], серб. *врућина* <жара> као у пак-

лу, хорв. *oganj pakleni*, макед. *неколен оган, неколни горештини*, словац. «Posielal ho do hogúseho rekla», франц. *feu d'enfer*, нем. *Höllenfeuer* и мн. др.

Как можно заранее предполагать, у континуантов **ръкъль* признак огня и горения эксплуатируется не только на уровне контекстных связей, но и имеет более глубокое внутрисистемное закрепление. Об этом говорит этимологическое значение корня, отсылающее к смоле (кипящей), а также факт контаминации «пекла» и дериватов **pekti*. В русском литературном языке эта контаминация особо ощутима в словах с «температурными» значениями, о которых говорилось выше: *пекло* 'сильный огонь, сильный жар', 'сильный зной, жара', а также перен. 'место, где происходит жаркий бой, горячие споры'. Здесь идея «печения» выходит на первый план, а связь с понятием преисподней затушевана (и проявляется только на этимологическом уровне). В других языках, где «пекло» ассоциируется в первую очередь с адом, эта связь ощутима на синхронном уровне в обозначениях жары: укр. *як у неклі* 'о жаре, духоте', серб. *пàкао* 'сильный зной, жара', чеш. «Slunce rálí jako v rekle» и др.

Другая линия реализации признака горения связана с образом печи, ср. русск. орл. *пёкло* 'огонь в печи', *пекло* 'горячие угли' [СРНГ, 25: 318], укр. полес. *пикóлок* 'небольшая обогревательная печь' [Аркушин, 2: 50], блр. *пьякóлак* 'камелек' [ЭСБМ, 10: 292], польск. диал. *piekło* 'топка печи' [Malec 2000: 283] и др. При этом большинство дериватов «пекла», связанных с печью, обозначают не непосредственно печной огонь или топку, а разного рода углубления, отверстия, «уголки», имеющиеся в «печном пространстве»: польск. *piekielko* 'припечек, карниз перед отверстием печи', 'запечек, место между печью и стеной', *piekielek* 'то же' [SW, 4: 146], чеш. *pekelec* 'возвышенное место за печью, запечек' [PSJČ, 4/1: 173], диал. *peklo* 'углубление перед печью', 'помещение под стекловарной печью, куда падал пепел (прибежище бедноты зимой)', *pekélko* 'углубление перед печью', 'пространство между стеной и печью' [Kazmír 2007], словац. диал. *pekliska, pekielko, peklo* 'углубление в полу перед отверстием печи', *pekelec* 'узкое пространство между печью и стеной', 'ниша на печи', 'отверстие на конфорке плиты' [SSN, 2: 766], блр. диал. *пьякóлак* 'выступ у печи' [СПЗБ, 4: 213], 'шесток печи; углубление в боковой части шестка, куда сгребают угли', *пьякóлка* 'ямка на шестке печи, куда сгребают пепел', 'карниз над печью' [ЭСБМ, 10: 292], укр. *пикóлок* 'выступ у печи над плитой' [ЕСУМ, 4: 403], русск. смол. *пекóлка* 'углубление в наружной стене печи, куда кладут вещи для просушки', 'боковой выступ у русской печи', перм. *пекóлка* 'место в печи, куда сгребают горячие угли', смол. *пекóлок* 'карниз, выступ наверху русской печи', русск. забайк. *пёкло* 'углубление в шестке русской печи, куда сгребаются угли' [СРНГ, 25: 318–319] и т. д. Эти слова (одни больше, другие меньше) демонстрируют постепенный уход от семантики жара – и выход на первый план признака углубления, отверстия, ямы, который является ведущим в восприятии ада как пространства (см. ниже). Они имеют общий ареал – западнославянские языки, украинский, белорусский и пограничные русские смоленские говоры (о забайкальском и пермском диалектизмах см. ниже).

Источником этих значений этимологические словари признают нем. диал. *Hölle* («ад») 'в крестьянских домах: узкое пространство между печью и стеной со скамейкой' [DUDEN-8, 4: 1854]. Думается, что семантика немецкого слова объясняется не только актуализацией признака углубления, но и аттракцией нем. *Hölle* 'ад' к своему омофону – *Höhle* 'пещера, полость'. Нем. *Hölle* стало основой семантического калькирования ('ад' → 'место за печью') для чеш. *pekýlko, pekelec, pekýlec, pekýlek*, морав. *pekélko* и проч. [Machek 1968 (1971): 442]. Украинские и белорусские формы признаются западнославянскими (польскими) заимствованиями [ЭСБМ, 10: 292; ЕСУМ, 4: 403]; очевидно, то же можно сказать о смол. *пекóлка, пекóлок*. Что касается забайк. *пёкло* и перм. *пекóлка*, то эти слова могли сформироваться вне западнославянского влияния.

Значение 'печь' проявляется также на базе англ. *hell* 'ад', ср. спец. *hell* 'печь для сжигания отходов лесопильного производства' [АВВУ Lingvo x 3], диал. *hell* 'печь для обжига кирпича' [EDD, 3: 136]. Любопытный штрих в развитие образа «адской печи» вносит англ. диал. *purgatory* («чистилище»), *purgatory hole* («дыра чистилища») 'отверстие под камином (очагом), покрытое решеткой, через которую может падать зола (пепел); также решетка, которая покрывает это отверстие' [OED].

Рассматриваемые значения фигурируют и в романских языках: каталон. *infern*, кастильск. *infernillo* 'переносной очажок, работающий на спирте или другом жидком топливе, который служит для разогревания небольших сосудов, особенно с питанием для больных' [DCVB, 6: 657], исп. *infiernillo* 'спиртовка для разогревания лекарственных отваров' [DLE: 744]. Кажется, к значению 'печь' здесь добавляется идея «греховности»: эти приспособления работают на спирту.

Таким образом, признак горения практически не представлен в деривации на основе русск. *ад*, но активно проявляет себя в дериватах от «пекла». При этом наблюдаются сложные «флуктуации» производной семантики, совмещающей признак горения с признаком углубления, отверстия, который проникает в семантическое пространство «пекла» под влиянием германских языков. Менее активно (но вполне определенно) данный признак ощущается в гнездах «hell» и «inferno».

ТО, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ УГЛУБЛЕНИЕМ, ОТВЕРСТИЕМ; ТО, ЧТО НАХОДИТСЯ ВНИЗУ

В признаке углубления преломляется представление о пропасти ада, которое реализуется во всех анализируемых языках. Этот признак воплощен в различных значениях дериватов слов, обозначающих преисподнюю (к примеру, он играет определенную роль – правда, второстепенную – в формировании рассмотренного выше значения 'глотка, рот', для которого более важен признак пожирания). Наиболее крупными являются две группы значений: предметные и ландшафтные.

Предметные значения. Обозначения разного рода предметов – бытовых приспособлений, орудий труда – не представлены в семантическом пространстве русск. *ад*.

В то же время предметная семантика активно функционирует в гнезде **рькълъ*. Напомним «печные» значения (углубления в разных участках пространства печи), которые были рассмотрены выше, а также приведем примеры из других тематических сфер: польск. *piekielko* 'углубление перед ткацким станком, где скапливается пух от хлопка, предназначенного для изготовления ваты', 'выдвижной ящик, запертый на ключ, куда через щель аптекари бросают деньги, полученные за обслуживание клиентов', 'ящик, в который складывают поврежденные литеры' [SW, 4: 146–147], диал. *pieklo* 'место под молотилкой, где скапливается мякина' [KSGP], словац. диал. *peklo* 'углубление под ногами ткача, чтоб подножья при нажатии ногой могли опуститься на нижнее положение', 'яма под большим колесом молотилки, которая приводится в движение конской тягой' [SSN, 2: 766], чеш. диал. *peklo* 'углубление под ногами ткача' [Kazmír 2007], морав. *peklice* 'висячий замок' [Bartoš 1905–1906, 2: 285] и др.

В некоторых случаях (когда речь идет о хранилище для поврежденных литер, углублениях, где скапливаются отходы при молотье или при производстве хлопка) к мотиву нижнего положения добавляется мотив негодности. В названиях закрытого на ключ ящика и висячего замка проявляются признаки «замкнутости» и «потаенности» (см. также ниже романские примеры). Интересен мотив «ключей ада». Он проскальзывает и в русск. выражении *ключи ада* (*ключи бездны*), которое В.И. Даль приводит с пояснением «у скопцов: известн. части» [Даль₂, 1: 6]. Вообще, ключи чаще упоминаются в связи с раем (ср. народное представление о том, что ворота в рай запираются на ключ [СД, 4:

399)), но стремление носителей традиции «огородить» ад, «замкнуть» его пространство приводит к появлению также «адовых ключей».

Любопытную вариацию рассматриваемой семантики дает польск. диал. *piekielnica* 'нижняя юбка (красного цвета)' [KSGP]. Здесь признак нижнего положения сочетается с признаком красного цвета, содержащим отсылку к «огненности» ада, а также, возможно, с признаком греховности (юбка прикрывает «срамные» части тела).

«Предметные» реализации признаков нижнего положения и углубления, отверстия еще более активны в германских языках, при этом некоторые факты являются источниками калькирования в западнославянские. Ср. значения, где к идее углубления добавляется идея негодности: нем. *Hölle* 'круглое отверстие в портняжном столе (для обрезков ткани)' [АВВУ Lingvo x 3], англ. *hell* 'место под рабочим столом портного, куда падают лоскутки и кусочки ткани, обрезанные при кройке одежды, которые становятся дополнительным заработком (чаевыми) портного', 'место, куда типографщики бросают отходы при производстве (бракованные литеры)', 'простейшее вместилище для отходов' [OED]. Если в германских данных ощутим признак отверстия, то в романских словах он оказывается затушеванным, а на первый план выходит идея негодности: итал. *inferno* 'место, где хранятся отходы от оливкового масла, используемые для розжига и в производстве мыла' [Battaglia 1961–2002, VII: 921], порт. *inferno* 'цистерна или яма, куда сливаются отходы при производстве оливкового масла' [Freire 1954, VIII: 2966], исп. *infierno* 'то же' [DLE: 744] и т.д.

В романских языках есть группа значений, где признак углубления заменяется близким по смыслу признаком нижнего положения, к которому может добавляться идея «потаенности», секретности: каталон. *infern, infernet* 'нижний карман жакета или другой домашней одежды' [DCVB, VI: 657–658], исп. *infierno* 'потайное отделение (бумажника, портфеля)' [АВВУ Lingvo x 3], итал. *inferno* 'чулан, укромный уголок, тайник', 'в публичных библиотеках: место, где хранится порнографическая литература' [Battaglia 1961–2002, VII: 921], каталон. *infernet* 'отделение в библиотеке, где хранятся запрещенные книги' [DCVB: 658], франц. *enfer* 'то же' [Robert 1990, 3: 975] (в значениях, связанных с библиотекой, проявлен также мотив «греховности», который представлен, к примеру, в исп. *infierno* 'трапезная, где едят скоромное (в монастыре)' [АВВУ Lingvo x 3]).

В «низведении» ада до подобных бытовых смыслов в германских языках важную роль сыграли внутриязыковые аттракции: нем. *Hölle*, как говорилось выше, «притягивается» к *Höhle* 'пещера, полость', а англ. *hell* – к *hole* 'дыра', *hollow* 'дыра; полость, впадина', ср. наиболее очевидное проявление такой аттракции в англ. *hellhole* 'адская бездна' [АВВУ Lingvo x 3], диал. *hell* 'дыра; полость, впадина', *hell-hole, hell's hole* 'притон со скандальной репутацией', 'темный уголок, который, как предполагается, посещают привидения' [EDD, 3: 135–136], а также в топониме *Hell Hole* [Алпатов 2007: 140].

Романские лексемы тоже имеют внутриязыковую специфику: признак нижнего положения актуализируется в них во многом за счет прояснения внутренней формы (ср., к примеру, итал. *infero* 'адский', 'нижний').

Ландшафтные значения. В русской языковой традиции образ пропасти ада находит определенную и яркую ландшафтную конкретизацию: пропасть становится болотом, ср. влг. *ад* 'сильная непроходимая грязь' [Дилакторский 2006: 7], яросл. *а́дина* 'низкое болотистое место' [ЯОС, 1: 20], прииртыш., томск. *а́дина* 'топкое заболоченное место' [СРСГСП, 1: 16; СРГС, 1: 25], влг. *а́дово дно* 'топкое, вязкое, труднопроходимое место' [СГРС, 1: 13].

«Болотность» ада отражена и в топонимии. На территории Русского Севера фиксируется 9 названий, образованных от основы *ад*, при этом 7 из них обозначают болота или заболоченные места: покос на болоте *Ад*, заболоченный ручей *Адовая Курья*, болота

Адово (2), *Адово Болото* (2) [ТЭ]. Все «болотные» топонимы отмечены в Архангельской области, в ландшафте которой болота играют огромную роль. Думается, севернорусский и сибирский «болотный» образ преисподней имеет национальный колорит, отражая типичный ландшафт территории, в говорах которой функционируют дериваты слова *ад*.

Что касается ландшафтного образа «пекла», то оно может представляться как озеро (словац. диал. *prepadňi sa do jazerňiho pekla!* [SSN, 2: 766]) или котловина, овраг, яма (кашуб. *řekelko* 'долина, ложбина, котловина' [Sychta 1967–1976, 4: 248], словац. диал. *peklisko* 'впадина, углубление, овраг' [SSN, 2: 766], польск. *piekło* 'ямка в игре' [Karłowicz 1900–1911, 4: 88], хорв. *řaklen* (прилаг.) 'о глубине (яме, канаве, пропасти)': «Zli će pasti u ropoge dno řaklenich crnih jama» [RHSJ, 9: 575]). При этом «пекло» практически не дает семантику *болота*¹⁴, хотя ср. укр. диал. *пекло* 'яма в болоте, трясина' [ЕСУМ, 4: 329]. По мнению авторов ЕСУМ, это результат сближения укр. диал. *пелька* 'то же' с *пекло* 'преисподняя' [Там же]¹⁵. Приведем также сербские факты, реализующие обратный переход ('яма' ↔ 'ад'): диал. *јама* 'тот свет, ад' [СД, 1: 94], а также выражение *јадова јама*, в котором отражена аттракция *ад* ↔ *јад* 'горе; беда' [ЕРСЈ, 1: 61].

В романо-германских языках фиксируются значения ямы, канавы, котлована, ущелья (с текущей по нему рекой): итал. *inferno* 'маленький колодец, яма, канава' [Battaglia 1961–2002, VII: 921], порт. *inferno* 'котлован (омут) под колесом водяной мельницы' [Freire 1954, 8: 2966], англ. диал. *hell-kettle* («адский котел») 'яма, полная воды', *hellbeck* («адский ручеек») 'речушка, ручеек, вытекающий из пещерообразной впадины', *hell-dyke* («адский ров») 'темное ущелье' [EDD, III: 135]. Ср. немецкий топоним *Höllental* («адская долина»), означающий узкую долину р. Шварца в Нижней Австрии, которая имеет мрачный вид [АВВУУ Lingvo x 3].

Подобные значения развиваются и на основе семантики 'чистилище': англ. (амер.) *purgatory* («чистилище») 'пещера', 'узкое глубокое ущелье или овраг с вертикальными или крутыми берегами; также ручей, текущий по такому ущелью. Обычно как географическое название' [OED].

Дериваты «чистилища» дают также значение 'болото', которое не развивается, кажется, на основе слов, называющих ад, ср. англ. (амер.) диал. *purgatory* («чистилище») 'болото, особенно такое, которое трудно пересечь' [Там же]. Ср. и название американского болота *Little Hell* («маленький ад») [Копач 2004: 109].

Специфика романо-германских языков в отражении ландшафта ада состоит, во-первых, в более пристальном внимании к прецедентной адской «топографии» (образ реки, вытекающей из ущелья), во-вторых, в акцентировании признаков впадины и темного цвета (ср., кстати, англ. *hell* 'часть здания и др., которая за ее мрачность и дискомфорт сравнивается с адом' [OED]). Эти акценты определяются, возможно, особой ролью библейских текстов в культурном сознании народа, а также актуализацией связей в языковой системе (притяжением к словам со значениями 'дыра, провал').

* * *

Подведем итоги. Мы рассмотрели ту часть значений, проявляющихся в гнезде русского *ада* и в гнездах его межъязыковых эквивалентов, которая обнаруживает определенную специфику в рамках отдельного языка или группы языков. Наиболее существенные различия можно представить в таблице:

¹⁴ Топонимия, образованная от основы «пекло», тоже не содержит однозначного указания на болота и обнаруживает большое разнообразие в плане ландшафтной «привязки» (подробнее см. в [Березович 2009]).

¹⁵ Дополнительную устойчивость этим связям придает тот факт, что в разговорном стиле украинского литературного языка слово *пелька* имеет значение 'глотка'.

мотивационные признаки	Ад	Пекло	HELL	INFERNO
тот (то), что пожирает	++	– (признак проявляется только на уровне контекстных связей)		
шум, беспорядок ↓ ссоры, скандалы, распри	значения 'шум', 'грохот', 'беспорядок'			
	+ (на основе значения 'глотка, рот')	++ (отчасти на основе семантики печения)	признак проявляется относительно редко	
там, где горят (грешники) жара, огонь, высокая температура	– (признак проявляется только на уровне контекстных связей)	++	– (признак проявляется только на уровне контекстных связей)	
печь, пространство печи	–	++ (часть значений – германские кальки)	+ (с акцентом на признаке углубления в пространстве печи)	+ (с акцентом на «греховности» горячего – спирта)
углубление, отверстие; то, что внизу предметы	–	+ (часть значений – германские кальки)	+ (с акцентом на признаке отверстия)	+ (с акцентом на признаке нижнего положения и «потаенности»)
ландшафт	+ ('болото')	+ ('яма, котловина, овраг')		

Как видим, специфические (или особо акцентированные) смыслы русского *ада* представляют его в первую очередь как нечто пожирающее, ненасытное, порождающее шум, скандалы и распри, в ландшафтном регистре подобное болоту. Специфика деривационного гнезда **рькъль* в разных славянских языках создается главным образом подчеркиванием идеи горения, печения. В германских языках особо выделяется идея углубления, отверстия; в романских – идея нижнего положения.

Таким образом, изучение особенностей деривационной семантики слов со значением 'ад' в европейских языках обнаруживает некоторое «напряжение» между типологическим аспектом исследования и системно-функциональным. Наличие единого культурного источника, продуцирующего представление о преисподней, должно, казалось бы, обеспечить сходные пути смыслового развития «адской» лексики, однако есть целый ряд специфических для разных европейских языков факторов, создающих различия в картине ада, которая рисуется средствами деривационной семантики на базе разных лексем, номинирующих преисподнюю. Перечислим их:

- заимствованный или исконный характер лексем, от чего зависит, в частности, степень «живости» внутренней формы слов в сознании носителей языка и ее влияние на деривационную семантику. Так, в некоторых языках группы «*inferno*» прозрачны связи между значениями 'адский' и 'нижний', определяющие участие семы 'низ' в развитии значений;

• внутриязыковые притяжения (процессы контаминации, паронимической аттракции). Этот фактор действует во всех изучаемых языках, однако в русском процессы аттракции особо активны. Отсутствие этимологических связей в рамках русского языка, а главное – минимальный план выражения, представленный всего двумя звуками, побуждают слово *ад*, стоящее как бы «на семи ветрах» языковой системы, «прислоняться» ко многим близким в звуковом и смысловом плане лексическим единицам – *жад-*, *гад-*, *яд-*, *аред*, *аспид*, *ахид* и др.¹⁶;

• логика организации, смысловые доминанты тех семантических полей в каждом языке, куда попадают дериваты «ада». Так, в семантическом поле отрицательных характеристик человека в русских диалектах выделяются обозначения такого порока, как жадность. Именно эта смысловая доминанта существенно «подстраивает» под себя негативно-социальную семантику дериватов *ада*, способствуя разнообразному воплощению в них семы ‘жадный’;

• особенности распространения религиозной традиции и ее текстового фонда. К примеру, дериваты «пекла» в западнославянских языках (а затем в украинском и белорусском) обнаруживают сильное немецкое влияние, определяемое общностью католической традиции. В то же время русская языковая стихия (особенно севернорусская) в минимальной степени подвержена католическому влиянию, что резко уменьшает шансы *пекла* вытеснить *ад*;

• характер и степень взаимодействия народной языковой стихии с различными формами народной культуры. Так, на территории Русского Севера, где активны дериваты слова *ад*, отмечался высокий уровень владения книжной культурой и ее сохранности (в частности, в связи с деятельностью монастырей, традициями старообрядчества и др.), а также особая роль «адских» сюжетов («Страшного суда») в практике иконописи, складывающаяся из византийского влияния и собственных новаций, внесенных в практику художественного воплощения этого сюжета (изображение в центре икон «змея мытарств»).

Мотивы, проявляющиеся в деривационной семантике слова *ад*, – это лишь часть богатейшего, многомерного и сложно устроенного концепта «Ад, преисподняя». Проведенный анализ позволяет сделать шаг в постижении этого устройства, еще раз демонстрируя, что каждая из сфер реализации концепта (системно-языковая, текстовая, внеязыковая – а эти сферы имеют и дальнейшее внутреннее членение) обладает своими акцентами, своими способами нюансировки и интерпретации смыслов. Образующие концепт мотивы не имеют симметричной реализации ни в указанных сферах, ни в разных культурно-языковых традициях. Область семантической деривации, если рассматривать ее как одну из сфер экспликации концепта, обнаруживает, в числе прочего, заметное влияние факторов языковой техники на функционирование концепта, позволяющее говорить даже о его «пересоздании»: ярким тому подтверждением являются контексты вроде костр. «А кто всю жисть адал <много ел> и жадовал <жадничал>, первым в ад пойдет» [ЛКТЭ]. Сказанное лишней раз показывает, что нельзя уравнивать между собой различные области проявления концептов¹⁷.

И последнее замечание. Рассмотренный материал помогает понять, почему русская языковая традиция (особенно севернорусская) отдает предпочтение *аду* как выразителю семантики ‘преисподняя’ перед *пеклом* (хотя вопрос о причинах подобных предпочтений – и в этом, и в других случаях – не может быть решен полностью, ибо языковой выбор – явление слишком многофакторное и прихотливое, нередко подчиненное слу-

¹⁶ За пределами данной статьи (из-за ограниченности ее задач) осталось рассмотрение других проявлений контаминационной активности *ада* (возможны притяжения к словам *чад*, *зад*, диал. *адат* ‘обычай’ и др.).

¹⁷ В 90-е годы прошлого века у нас был распространен подобный подход, когда «здание» концепта строилось из философских произведений, текстов «высокой поэзии», русских поговорок и диалектной лексики, причем каждая из этих областей подавалась так, будто она лишь «повторяет» то, что «сказано» другими.

чайным перипетиям языкового развития и иррациональным для нас «желаниям» самого языка). На этот выбор оказало влияние сложное переплетение как внутриязыковых, так и культурных обстоятельств, перечисленных выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев 1998 – *А. Алексеев*. Сюжет «змея мытарств» в композиции русских икон «Страшного Суда» // Церковная археология. Вып. 4. СПб., 1998.
- Алпатов 2007 – *В.В. Алпатов*. Концептуальные основы формирования английских религиозных топонимов: Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007.
- Аникин РЭС – *А.Е. Аникин*. Русский этимологический словарь. Вып. 1–. М., 2007–.
- АОС – Архангельский областной словарь. Вып. 1–. М., 1980–.
- Аркушин – *Г.Л. Аркушин*. Словник західнополіських говірок. Луцьк, 2000. Т. 1–2.
- Афанасьева-Медведева – *Г.В. Афанасьева-Медведева*. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: В 20 т. СПб., 2007–. Т. 1–.
- Белова 2000 – *О.В. Белова*. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2000.
- Бережная 2003 – *Л.А. Бережная*. «Одесную» и «ошуюю». Русские и русинские православные иконы «Страшного Суда» на рубеже эпох // Человек между царством и империей: Сб. материалов междунар. конф. М., 2003.
- Березович 2000 – *Е.Л. Березович*. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
- Березович 2007 – *Е.Л. Березович*. Язык и традиционная культура. М., 2007.
- Бессонов 1863 – Калѣки перехожіе. Сб. стиховъ и изслѣдованіе П. Безсонова. Вып. 5. М., 1863.
- БЛДР, 3 – Библиотека литературы Древней Руси / ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) / Под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб., 1999. Т. 3.
- БТДК – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- БЭ – Библейская энциклопедия. М., 1990 [Репринт].
- ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982–. Вып. 1–.
- Даль₂ – *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882 (1955). Т. I–IV.
- Дилакторский 2006 – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006.
- ДО – Дополнения к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- ЕРСЈ – Етимолошки речник српског језика. Београд, 2003–. Св. 1–.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Київ, 1982–. Т. 1–.
- Журавлев 2005 – *А.Ф. Журавлев*. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
- ИРФС – *Э.И. Левинтова, Е.М. Вольф, Н.А. Мовшович, И.А. Будницкая*. Испанско-русский фразеологический словарь. М., 1985.
- Копач 2004 – *О.И. Копач*. Номинация водных объектов в белорусском и английском языках: ономаσιологический аспект (на материале гелонимов Белоруссии и США): Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2004.
- КРК – *Л.М. Безносикова, Е.А. Айбабина, Р.И. Коснырева*. Коми-роч кывчукӧр. Сыктывкар, 2000.
- КСГРС – Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- ЛКТЭ – Лексическая картотека ТЭ УрГУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- МБТР – *Ст. Младенов*. Български тълковен речник с оглед към народните говори. София, 1951. Т. 1.
- МНМ – Мифы народов мира. М., 1991. Т. I–II.
- МРС – Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комментариев О.А. Черепанова. СПб., 1996.
- МФУЗ – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1–. Екатеринбург, 2004–.
- ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–. Киров, 1996–.
- Покровский 1887 – *Н.В. Покровский*. Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI Археологического съезда в Одессе. Одесса, 1887. Т. 3.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л., 1967–.

- РМЈ – Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Скопје, 1961–1966. Т. I–III.
- Ровинский 1900 – *Д. Ровинский*. Русскія народныя картинки. СПб., 1900. Т. 1.
- РСГВ – Речник српских говора Војводине. Нови Сад, 2000–. Св. 1–.
- РСХКЈ – Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1967–1976. Књ. 1–6.
- СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
- СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. М., 1995–. Т. 1–.
- Селигер – Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 1–. СПб., 2003–.
- СлРЯ – Словарь русского языка. М., 1981–1984. Т. I–IV.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–. Л., 1984–.
- Соболев 1913 – *А.Н. Соболевъ*. Загробный миръ по древнерусскимъ представлѣніямъ: Литературно-историческій опытъ изслѣдованія древнерусскаго народнаго міросозерцанія. Сергіев Посадъ, 1913.
- СПГ – Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь, 1999–2002.
- СПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1978–1986. Т. 1–5.
- СРГБаш – Словарь русских говоров Башкирии: А–Я. Уфа, 2008.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРГМ – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Вып. 1–. Саранск, 1978–.
- СРГС – Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999–2006. Т. 1–5.
- Срезневский 1893–1903 – *И.И. Срезневский*. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.
- СРСГСП – Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Томск, 1992–1996. Т. 1–3.
- ССГ – Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
- Стихи духовные – Стихи духовные / Сост., вступит. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. М., 1991.
- СУМ XVI–XVII – Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Вип. 1–. Львів, 1994–.
- Трубачев 2002 – *О.Н. Трубачев*. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002.
- ТЭ – Картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- УС XII–XIII – Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот.: О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон / Под ред. С.И. Коткова. М., 1971.
- Успенский 1982 – *Б.А. Успенский*. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- Фасмер 1964–1973 – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
- ФСПГ – *К.Н. Прокошева*. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.
- Хобзей 2002 – *Н.В. Хобзей*. Гуцульска міфологія: Етнолінгвістичний словник. Львів, 2002.
- Ховрина 1998 – *Т.К. Ховрина*. О семантической структуре слова *ад* и его производных в ярославских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1996. СПб., 1998.
- Черепанова 2005 – *О.А. Черепанова*. Культурная память в древнем и новом слове: Исследования и очерки. СПб., 2005.
- Черных 2002 – *П.Я. Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 2002.
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–. Т. 1–.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.
- АВВУУ Lingvo x 3 – АВВУУ Lingvo x 3: шесть языков. Электронный словарь.

- Bartoš 1905–1906 – *F. Bartoš*. Dialektický slovník moravský. Praha, 1905–1906. D. 1–2.
- Battaglia 1961–2002 – *S. Battaglia*. Grande dizionario della lingua italiana. Torino, 1961–2002. V. I–XXI.
- Boryś 2005 – *W. Boryś*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Buck 1949 – *C.D. Buck*. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949.
- Czarnecki 2007 – *T. Czarnecki*. Rozważania nad etymologią chrześcijańskiego terminu *piekło* // *Opuscula linguistica Georgio Treder dedicato*. Gdańsk, 2007.
- DCVB – *A. Alcover*. Diccionari català-valencià balear. Palma de Mallorca, 1954. T. VI.
- DLE – Diccionario de la lengua española / Real academia española. Madrid, 1970.
- DUDEN-8 – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 8 bänden. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1995.
- EDD – The English dialect dictionary. Oxford, 1981. V. I–VI.
- Freire 1954 – *L. Freire*. Grande e novíssimo dicionário da língua portuguesa. Rio de Janeiro, 1954. V. VIII.
- Goldfrank 1995 – *D.M. Goldfrank*. Who put the snake on the icon and the tollbooths on the snake? A problem of last judgment iconography // *Harvard Ukrainian studies*. 1995. V. 19: Камень краєжгльень. Rhetoric of the Medieval Slavic world.
- Karłowicz 1900–1911 – *J. Karłowicz*. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. T. 1–6.
- Kazmír 2007 – Slovník valašského nářečí: rozšířené vydání zpracované pouze na CD / Sestavil Silvestr Kazmír. 2007.
- KSGP – Картотека Словаря польских говоров (Институт польского языка ПАН, Краков).
- Machek 1968 (1971) – *V. Machek*. Etymologický slovník jazyka českého / Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968 (1971).
- Majtán 2001 – *M. Majtán*. Sitno (Etselberg) – sitno // *Slovenská reč*. Bratislava, 2001. Roč. 66. Č. 2.
- Malec 2000 – *M. Malec*. *Raj i piekło w toponimii Polski* // *Onomastické práce*. Sv. 4: Sborník rozprav k sedmdesátým narozeninám univ. prof. PhDr. Ivana Lutterera, CSc. Praha, 2000.
- Matešić 1982 – *J. Matešić*. Frazološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1982.
- NKPP – Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło S. Adalberga. Warszawa, 1969–1978. T. 1–4.
- OED – The Oxford English dictionary. Oxford, 1989. II ed. V. I–XX (электронная версия).
- Pokorny 1949–1959 – *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949–1959. Bd. I–II.
- PSJČ – Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935–1957. D. 1–8.
- Pukanec 2005 – *M. Pukanec*. Perún na sitne? // *Kultúra slova*. Bratislava, 2005. Roč. 39. Č. 5.
- RHSJ – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. JAZU. Zagreb, 1880–1976. D. 1–23.
- Robert 1990 – *P. Robert*. Le Grand Robert de la langue française: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française de P. Robert. Paris, 1990. T. 1–9.
- SJPD – Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. Warszawa, 1958–1969. T. 1–11.
- SJS – Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1966–1997. T. 1–4.
- Smoczyński 2007 – *W. Smoczyński*. Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno, 2007.
- SSJ – Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959–1968. D. I–VI.
- SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970–1991. D. 1–5.
- SSN – Slovník slovenských nářečí. Bratislava, 1994–. T. I–.
- SW – *J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiecki*. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1935. T. 1–8.
- Sychta 1967–1976 – *B. Sychta*. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. T. 1–7.
- Záturecký 2005 – *A.P. Záturecký*. Slovenské přísloví, porekadlá, úsloví a hádanky. Bratislava, 2005.